

— Живьём закопать?

— С медицинской точки зрения, его сейчас даже живым-то назвать нельзя.

Цзян Нань посмотрела на Бай Синцзяня:

— Почему ты так говоришь?

— Большая часть внутренних органов в его теле уже не работает.

— И сердце практически не бьётся.

Цзян Нань уставилась на грудь «его».

Никаких движений.

Цзян Нань перевела взгляд на Юй Сю:

— Тогда почему он пришёл к тебе?

Юй Сю развёл руками:

— Я и сам не знаю.

— Кажется, часа в два-три ночи он стоял у моей кровати и пялился на меня. Понятия не имею, когда он вообще пришёл.

— Ничего не сказал, только попросил ему помочь.

— А на любые вопросы отвечает, что ничего не знает.

Цзян Нань задумалась, пытаясь во всём разобраться.

— Ладно, на сегодня пока всё. Если будут какие-то новости, обязательно сразу же мне сообщите.

Оба кивнули.

Цзян Нань спустилась вниз.

Юй Сю неуверенно окликнул её:

— Госпожа полицейский, не хотите перекусить перед уходом?

Цзян Нань, словно поддавшись какому-то порыву, остановилась:

— С удовольствием.

Юй Сю опешил:

— А?

Цзян Нань с улыбкой уселась на диван в гостиной:

— Чего «а»? Неужели это было не от чистого сердца?

Бай Синцзянь стоял на лестнице и, глядя на ошеломлённое выражение лица Юй Сю, рассмеялся.

Юй Сю обернулся:

— Ты чего смеёшься?

Улыбка ещё не сошла с лица Бай Синцзяня:

— С того, какой ты увалень.

Бай Синцзянь с грозным видом сдвинул брови и уже собрался подойти.

Цзян Нань, вальяжно раскинувшись на диване, остановила его:

— Полицейский вообще-то ещё здесь.

Юй Сю резко развернулся и шагнул на кухню:

— Яйца будешь?

— Буду.

Бай Синцзянь сел по диагонали от Цзян Нань и уткнулся в телефон.

Юй Сю открыл холодильник, достал коробку замороженных пельменей, поставил греться воду, а заодно разбил пару яиц для пашотов.

Бай Синцзянь водил пальцем по экрану телефона, не зная, куда себя деть.

Этот пристальный взгляд... Вынести такое просто невозможно.

Бай Синцзянь погасил экран телефона, поднялся с места и направился на кухню.

Все движения — сплошная плавная лёгкость.

Глядя на него, Цзян Нань никак не могла сгнать улыбку с губ.

Как же забавно пугать детей.

— Ты что, только на двоих варишь?

Юй Сю повернул голову:

— Ты же уже поел?

— Ну и что, ещё поем, тебе жалко?

— Жрать сколько можно.

Бай Синцзянь открыл холодильник, вытащил бутылку молока:

— Ладно, жрите сами, я лучше это выпью.

Юй Сю скосил взгляд на молоко в его руке:

— Это нельзя, это мамино. Возьми ту, что в синей коробке.

Бай Синцзянь приподнял бровь, глядя на молоко в своей руке, открыл холодильник и достал оба пакета для сравнения.

— Какая разница?

— Мама говорит, это на вкус послаще, а другое — какое-то странное, вяжущее.

Бай Синцзянь воткнул трубочку в синюю пачку молока:

— На вкус как самое обычное цельное молоко.

Юй Сю вытолкал его за дверь:

— Выпил — и вали отсюда.

— Да побуду я здесь, что мне сделается?

Бай Синцзянь вышел из кухни, обернулся, собираясь что-то сказать, но дверь прямо перед его носом с грохотом захлопнулась.

Бай Синцзянь снова уселся на диван.

И снова этот пристальный взгляд.

Бай Синцзянь поставил пустую коробку из-под молока на стол:

— Ты чего на меня уставился?

— Ничего. Ты же учишься на врача, на каком курсе?

— На втором.

— К поступлению в магистратуру готовишься?

Бай Синцзянь кивнул:

— Готовлюсь.

— Судя по твоим швам, успехи у тебя отличные.

Бай Синцзянь скромно улыбнулся в ответ:

— Так себе.

Цзян Нань, наблюдая за его фальшивой улыбкой, заинтересовалась и кивнула на кухню:

— Сосед?

— Ага.

— Похоже, вы в хороших отношениях.

— С чего бы?

На лице Бай Синцзяня по-прежнему красовалась улыбка.

— Тогда почему вы с самого утра толчётесь вместе?

— Из-за этого странного типа.

Бай Синцзянь не хотел вдаваться в подробности и задерживаться здесь дольше нужного.

— Я пойду, дома кое-какие дела.

Цзян Нань кивнула:

— До встречи.

Бай Синцзянь выбросил пустую коробку из-под молока в урну.

— Пока.

Юй Сю вышел из кухни с тарелкой пельменей и как раз застал момент, когда Бай Синцзянь закрывал дверь.

— Куда это он?

— Сказал, дома дела.

— Ой, госпожа полицейский, ешьте давай.

Цзян Нань направилась к обеденному столу:

— Почему ты всё время зовёшь меня полицейским? Обычно же говорят «сестрица-полицейский»? Разве называть меня просто полицейским не странно?

— Ни капли.

Юй Сю вынес вторую миску с пельменями.

Бай Синцзянь открыл входную дверь ключом, сел на банкетку и стал переобуваться.

Как обычно, он ушёл в свою комнату читать.

Только вот мысли его уже унеслись на третий этаж по соседству.

Какое-то солнце, мольбы...

Цзян Нань уплетала пельмени:

— Как тебя зовут?

— Юй Сю.

Юй... Сю?

До боли знакомо.

— А парень из соседней квартиры?

— Бай Синцзянь.

— Как вы вообще познакомились?

— В старшей школе.

— И до сих пор тусуетесь вместе? Неплохо.

— Да вовсе нет. Я только пару дней назад узнал, как его зовут.

Цзян Нань приподняла бровь:

— С чего бы это?

— Я вам не преступник, госпожа полицейский.

Юй Сю начал уставать от её расспросов.

— Разве мы просто не болтаем?

Юй Сю уже не горел желанием отвечать, но, перехватив её взгляд — лишённый всякой враждебности, — всё же пояснил:

— Раньше вместе в больнице лежали.

— В больнице? С чего вдруг?

— Попали в автокатастрофу.

При упоминании аварии Цзян Нань невольно вспомнила ту автокатастрофу с автобусом двухлетней давности.

И чем больше она думала об этом, тем сильнее Юй Сю казался ей знакомым.

— Когда это вы в аварию попали?

— Два года назад.

— О-о-у...

Доев пельмени, Цзян Нань сидела на стуле и наблюдала, как ест Юй Сю.

— А пельмени неплохие получились.

— Замороженные.

— Не думал ещё раз попробовать сдать экзамены в университет?

Юй Сю покачал головой:

— Не потяну учёбу.

— И каково это было — лежать в больнице?

— Нормально. Никаких особенных чувств.

— О-о-у... Ну ладно, я тогда пойду. Если что-то узнаете — обязательно дайте знать.

— Вы тоже, госпожа полицейский, если появятся новости — сразу нам расскажите.

Цзян Нань остолбенела:

— ...Хорошо.

Юй Сю сложил миски и тарелки в раковину и принялся мыть посуду.

Закончив, он отправился в ванную застирать простыню.

Закончив с ручной стиркой, он сразу забросил её в стиральную машину.

Бай Синцзянь ворочался с мыслями в голове и сам не заметил, как заснул.

Ему приснилось палящее солнце, от которого, казалось, можно было зажариться заживо —

Перед глазами Бай Синцзяня всё расплывалось.

Он шёл вперёд.

И вышел к совершенно голой роще.

На деревьях не было ни единого плода, а листьев — кот наплакал.

Впереди возвышалась каменная стела, а перед ней стояла крошечная каменная статуйка.

Совсем маленькая, едва ли вполовину роста стелы.

Иероглифы на камне Бай Синцзяню были незнакомы.

Он сам не заметил, как протянул руку и коснулся стелы.

Но от жгучего жара камня он тут же отдёргнул пальцы.

Бай Синцзянь рухнул на землю, не в силах себя контролировать.

Тяжело дыша, он чувствовал, что заживо сгорает здесь.

В самый момент помутнения рассудка Бай Синцзянь резко распахнул глаза и вскинул голову от письменного стола.

Он потёр рукой голову — как же болело.

Юй Сю сидел за письменным столом, листая кулинарную книгу.

Она нашлась легко — эту толстенную книгу сразу было видно на книжной полке.

Перелистывая страницы, Юй Сю обнаружил между ними спрятанные купюры: одну номиналом в пятьдесят и одну в двадцать юаней.

Юй Сю провёл пальцем по немного потрёпанным банкнотам.

И гадать не нужно было, чьих это рук дело.

Улыбаясь сквозь слёзы, он чувствовал, как капли скатываются с подбородка и падают прямо на деньги.

Сидя на полу, он с недоумением смотрел на происходящее.

Он никак не мог взять в толк, почему Юй Сю плачет.

Совсем как те люди.

Неужели у Юй Сю тоже кто-то из близких умер?

Бай Синцзянь лежал на кровати, изо всех сил пытаясь вспомнить содержание недавнего сна, но в памяти ничего не осталось.

Свернувшись калачиком под одеялом и зажмурившись, он постепенно вновь провалился в сон.